

УДК 94–21 (477.83) | 12 / 15 |

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО И РАННЕМОДЕРНОГО ГОРОДА В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Т. Д. Гошко

Украинский католический университет, Львов
E-mail: hoshko@ucu.edu.ua

В статье проанализировано изучение украинскими историками экономических аспектов городской средневековой и раннемо-дерной истории, в первую очередь на примере развития город-ских цехов; обращено внимание на новые подходы в изучении проблемы того, как новое понимание культуры и антропологический поворот в историографии влияют на изучение экономики городов, указаны возможные перспективы исследования данной проблемы.

Ключевые слова: историография, город, экономическое аспекты, социальная история, история повседневности, антро-пологический поворот в историографии, цех, цеховая докумен-тация, цеховое право, обычаи, социальная и профессиональная структура городского населения.

The Economic Aspects of the History of Medieval and Early Modern Towns in Modern Ukrainian Historiography

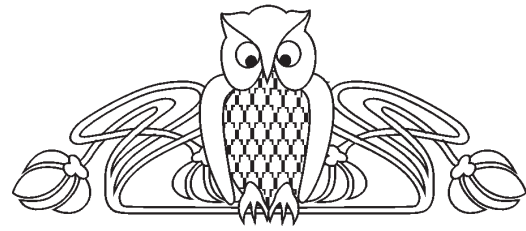
T. D. Hoshko

The article analyzes the study of the economic aspects of medieval and early modern urban history by Ukrainian historians, primarily on the example of the study of urban guilds. The author draws attention to new approaches in the study of the issue and to the question of how the new understanding of culture and anthropological turn in historiography affect the study of the economy of towns. The article also indicates possible new perspectives for the study of the problem.

Key words: historiography, town, economic aspects, social history, history of everyday life, anthropological turn in historiography, guild, guild documentation, guild law, customs, social and professional structure of the urban population.

Города, без преувеличения, являются ме-рилом цивилизации. Именно здесь в первую очередь проявляются важнейшие элементы раз-вития общества в разные исторические эпохи. Урбанистическая проблематика была и остается одной из важнейших составляющих исторической науки. Но поскольку в конце XX – начале XXI в. важнейшей тенденцией мирового развития чело-вечества стала глобализация, то вся наука, в том числе историческая, ощущает ее влияние¹.

«Глобализация, неразрывно связанная с коммуникативными процессами, включая комму-никацию идей, поставила на повестку дня новые вопросы и для тех, кто занимается изучением ана-логичных процессов в историческом измерении», – справедливо пишет Л. Репина². Исследователь-ские проблемы, с которыми сталкиваются исто-

рики, в том числе и урбанисты, зачастую имеют как минимум общеевропейский характер. В этой ситуации историографические обзоры должны выходить за национальные границы. Более того, именно историографические исследования дают возможность проанализировать не только то, что уже было сделано историками в конкретной об-ласти, но и то, что еще предстоит сделать, они по-могают определить направление новых поисков. По определению днепропетровского профессора В. Пидгаецкого, «[и]менно историография сообщ-ает нам не только о том, какими путями (мето-дами) происходило приращивание фактов о про-шлом человека, но и о том, какие проблемы еще не решены, о том, какие источники привлекались для исследований нашими предшественниками, какими они при этом пользовались методами и инструментами, каким языком, то есть какими терминами и определениями они пользовались, и как, и под влиянием каких факторов изменяется существенно смысл этих терминов»³.

Новые историографические обзоры важны ещё и потому, что в современном мире происхо-дит изменение понятия «историческое знание». Сегодня оно уже актуализует необходимость ис-следования не столько исторического процесса как такового, сколько пространств культуры, а это неминуемо рождает потребность в новых подхо-дах и в новой исследовательской проблематике⁴. Появляется новое широкое понимание культуры, которое естественно накладывается на изучение истории городов⁵. Как результат, исследовате-льское поле значительно расширяется. Возникают новые научные направления, взгляд историка останавливается на том, что еще совсем недавно казалось неважным, в поле его зрения все чаще попадает конкретный человек со своими пере-живаниями, чувствами и интересами.

Вместе с тем, «в диалектическом понима-нии культуры как непрерывного взаимодействия между общественной системой и практикой социальной жизни происходит – на основе пере-определения и усложнения самого понятия “со-циального” – реабилитация социальной истории, прошедшей горнило лингвистического и куль-турного поворотов»⁶. И хотя на первый взгляд приоритетным стало изучение человека – его менталитета, социального поведения, принятия им решений, истории повседневности, все же «в центре внимания так же, как это было до по-

явления позитивистской философии, находится событийная история, прежде всего политическая и культурная. Занятия социально-экономической историей теперь не в моде, и это грозит забвением приобретенных научных традиций, а также создает своеобразный дисбаланс исследовательских приоритетов⁷. К социально-экономической проблематике в современной историографии на постсоветском пространстве исследователи относятся с определенной настороженностью из-за длительного периода доминирования здесь марксистской парадигмы⁸, но без изучения именно этого аспекта сложно говорить о целостной картине исторического прошлого в любой области, в том числе и в урбанистике.

Очень точно подметили Р. Чая и Э. Кизик, что чем меньше было рыночных отношений в жизни послевоенной Польши (а можно сказать и всей Восточной Европы), тем больше экономики было в работах историков, но сегодня ситуация противоположная: чем больше мы становимся сознательными участниками экономических процессов, тем меньше эти проблемы занимают историков⁹. Сегодня появились новые «модные» историографические направления. И хотя не хлебом единым жив человек, но в этом постмодернистском увлечении мы забыли, образно выражаясь, будет ли он жив без хлеба?! Поэтому, какую бы проблематику мы не изучали, полностью абстрагироваться от экономической составляющей исторического процесса мы не можем, иначе наши выводы будут не до конца адекватными. Это утверждение полностью справедливо и для изучения истории средневекового и раннеמודерного города, особенно если мы хотим увидеть его с разных сторон.

Одним из элементов изучения социальной истории городов сегодня является история городских цехов, которая исследуется через призму их правового статуса и повседневной практики. Как раз на примере цеховой истории и возможно совмещение двух тенденций – изучение социально-экономического и антропологического аспектов истории города. Новый импульс социально-экономическая проблематика получила в последние годы и в украинской историографии. Наиболее ярко и глубоко она представлена в работах М. Капрала, которому принадлежит первая в украинской историографии комплексная публикация экономических привилегий отдельного города, в данном случае Львова¹⁰. Безусловно, историк зависит от источников, и зачастую именно они диктуют направление и тематику будущего исследования. Но эффективность использования источниковедческой базы зависит от тех вопросов, которые историк ставит источникам. Зачастую источники «говорят» об элите, но городские низы остаются почти безмолвными. Поэтому важно выбрать такие источники и поставить им такие вопросы, которые помогут взглянуть на прошлое простых горожан, изучить город во всех его проявлениях. Изучение низших слоев городского социума

наиболее продуктивно на примере отдельных цехов, поскольку именно они оставили массовые источники, сохранившиеся в отдельных случаях достаточно полно. Кроме того, от Средневековья до XIX в. в Европе, в том числе на украинских землях, «ремесленники определяли себя в первую очередь не как производители, а как представители определенного сословия, общественной группы, которые объединялись для защиты своих интересов в цеховую организацию»¹¹.

Сами цеха появились в Средние века вследствие массовой урбанизации Европы в IX–XIV вв.¹² Их появление, как и развитие купеческих корпораций, стало естественным результатом ускоренного развития разветвленной сети европейских городов¹³. А поскольку Львов был одним из крупнейших городов Польского королевства, то, соответственно, «львовские цеховые статуты и привилегии позволяют проанализировать малоизвестные факты внутренней жизни цеховых братств с правовой точки зрения», эти документы освещают процесс создания цехов, основные принципы социальной связи в небольшом коллективе¹⁴. Именно поэтому М. Капраль посвятил цеховым статутам и привилегиям отдельную статью¹⁵, в которой, кроме прочего, указал список ремесленнических специальностей Львова в конце XVIII в. на основании рукописи «*Jurium et privilegiorum urbis Leopoldis ad puncta ab inclito offi cio circulari capitaneali Leopoliensi civitati porrecta descriptio*», а также список ремесленнических цехов и купеческих корпораций Львова, принявших статуты в XV–XVIII вв.¹⁶ Цеховые статуты (во Львове первые из них были написаны по-немецки и не получили королевского подтверждения¹⁷) дают представление не только о профессиональной деятельности отдельных горожан, но и о повседневной жизни в городе. Публикация экономических привилегий для львовских ремесленников и вдохновила М. Капрала на более комплексное и глубокое исследование цеховой проблематики, которое он начал с изучения цеха львовских сапожников (первое упоминание о нем датируется 1386 г.¹⁸, хотя М. Капраль считает, что он должен был существовать и раньше¹⁹) – одного из самых успешных львовских цехов. Прежде всего, автор изучил книги цеха²⁰. Отдельные публикации исследователя посвящены анализу правового²¹ и социального статуса сапожников в городской среде, их ранга в сопоставлении с другими ремесленниками. Все это анализируется на основе источников, на примере как будничных ситуаций (семейных и соседских ссор, зафиксированных в судебных делах, обвинений в незаконном рождении, в крестьянском происхождении и тому подобных), так и порядка праздничных процессов в городе, где всегда четко прослеживалась иерархия горожан. Символике и обрядам цеховых ремесленников украинских городов посвящено также исследование Василя Балущка²², который связывает появление цехов в Украине с

распространением здесь магдебургского права²³. О социальном статусе сапожников свидетельствует, по словам М. Капралья, и тот факт, что они занимали в основном должности на юридиках²⁴, а не в городской власти²⁵. Все свои выводы М. Капраль обобщил в основательной монографии о львовском цехе сапожников²⁶.

Сам М. Капраль четко указал на перспективы и задачи историко-экономических урбанистических исследований: «На сегодня вижу два перспективных направления исследований львовского ремесла: конкретно-исторические исследования по отдельным цехам с привлечением цеховых книг, к которым после Ярослава Кися²⁷ никто не обращался, а также – изучение социальной среды ремесленников которые жили не только одним “хлебом насущным”, то есть были не только производителями. Следует выяснять их родственные связи, ежедневную жизнь с ежедневными хлопотами и радостями, то есть стремиться к открытию человеческого измерения в этой, казалось бы полностью экономической, области городской жизни»²⁸. Этими словами известный украинский историк перебрал мостик к новым, антропологическим направлениям историографии. И этот антропологический аспект можно и нужно изучать, опираясь на такие источники, как конкретные судебные дела, где фигурантами выступают ремесленники, или же, к примеру, на завещания (тестаменты), которые все чаще становятся объектом отдельных основательных исследований как в польской, так и в украинской историографии²⁹. Это важно еще и потому, что именно на цеха возлагались обязанности по организации похоронных процессий, по опеке над душами умерших их членов.

На разносторонность деятельности городских цехов указывала в своих работах и С. Щербина. Она детально описывает цеховые обычаи, в первую очередь, сходки и те вопросы, которые на них рассматривались³⁰. Кроме изготовления ремесленных изделий, цеха имели целый спектр обязанностей в городе: оборона города, пожарная безопасность, суд над членами цеха по небольшим делам и другие. Каждый цех имел и свои обязанности по отношению к церкви, в частности, относительно празднования дня своего патрона (литургия и праздничный банкет)³¹. Эти праздники были «действенным средством укрепления корпоративной солидарности членов ремесленных объединений». Таким образом, совершенно справедливым является вывод С. Щербины, что цеха были не только экономическими сообществами, но и выполняли другие функции – социализации, профессионального обучения молодежи, поддержки церкви. Они «представляли собой иерархические корпорации, имевшие самодовлеющий характер и распространявшие влияние на все стороны жизни своих членов»³².

Цех – это не только городская экономика, это и жизни конкретных людей, отраженные через

призму цеховой документации, судебных актов, связанных с историей отдельных ремесленнических и купеческих сообществ. Это то, что мы зачастую называем историей повседневности («everyday life history», «Alltagsgeschichte»), предметом которой становится изучение «малых жизненных миров» простых людей, а шире – так называемой безмолвной массы. Ведь, как пишет Т. А. Булыгина, «“человек – это мир”, отдельный мир и проявляется он в повседневной жизни как явление уникальное, по-своему реализующее общие идеи, общие стереотипы, общие нормы...»³³.

Хорошо известно, что история повседневности как новое направление в историографии возникла во второй половине XX в. вследствие «антропологического поворота». В рамках украинского историописания определённый импульс она получило в конце 1990-х гг., и ее популярность с тех пор только растет. Но никак не могу согласиться с утверждением И. Колесник, что это направление так популярно в украинской историографии, что «среди историков сегодня историей повседневности не занимается разве что ленивый»³⁴. На самом деле все значительно сложнее. Действительно, модно и популярно говорить о таком историографическом направлении, как «история повседневности», но работ, в которых бы последовательно изучались отдельные аспекты повседневной жизни тех или иных слоев населения или отдельных их представителей в те или иные исторические эпохи, в украинской историографии единицы. Ведь на самом деле «история повседневности существенно отличается от других сфер исторического знания, истории быта, личной жизни, генеалогии, краеведения, локальной истории, социологии быденной жизни»³⁵. Она имеет свой определённый инструментарий. «Одним из ключевых понятий повседневности является дискурс “поведение”, которое адекватно отражает специфику конкретной исторической эпохи и происходившие в ней изменения. Поведение складывается на основе определенных ценностных канонов и нормативных систем, поэтому является ключом к зашифрованным смыслам исторического времени. Этот ключ тем эффективнее, чем сложнее социальная система и условия ее функционирования, т. к. в этом случае в повседневной жизнедеятельности большее место занимает самоорганизация ее членов»³⁶.

И как раз в области изучения городской истории история повседневности в украинской историографии является действительно слабым звеном. И цеховая проблематика в современной её подаче среди прочего открывает новые перспективы для более глубокого изучения городской повседневности.

Менее профессионально цеховая проблематика освещалась львовским историком права, доктором юридических наук М. Кобылецким³⁷, который концентрирует внимание лишь на правовом аспекте работы цехов. Правильно отмечая,

что цеховое право было тесно связано с правом городским, этот автор слишком расплывчато и не совсем корректно указывает на правовую основу функционирования городских цехов: «Правовой основой для деятельности цехов были локационные и другие королевские привилегии, локационные документы собственников городов и реализация права на торги и ярмарки, которое базировалось на нормах магдебургского права...»³⁸ Большинство утверждений автора подкрепляются ссылкой на литературу, а не на источники, даже тогда, когда утверждение непосредственно касается содержания источников: «В королевских локационных привилегиях рядом с положениями о правах города, компетенциях органов городского самоуправления, налоговых льготах, присутствовали данные об организации (создании) цехов и их структуре»³⁹. Иногда М. Кобылецкий сам себя опровергает. К примеру, сначала утверждает, что «украинцы и армяне во Львове почти полностью оставались за пределами цехов», а несколькими строками ниже приводит факты, опровергающие это утверждение, причем не единичные. Более того, сам автор указывает на то, что иногда представители названных этносов были цехмистрами, как, например, сапожник Петро Русин в 1425 г.⁴⁰ Это говорит о том, что стереотипное мышление, сформированное в советское время, не отстает даже под «напором» источников. В целом, статья М. Кобылецкого не отличается четкостью, глубиной и новаторством. В основном это давно известные факты. Более того, хотя статья претендует на обобщающий характер, но факты в ней подобраны случайные, и совершенно не понятно, имелись ли правовые отличия в организации и функционировании цехов на украинских землях в составе Великого княжества Литовского и Польского королевства, а позже на территории Гетманщины.

Пользуясь случаем, следует подчеркнуть, что противостояние православных и католиков было актуально для Львова, но для большинства городов, где католиков было не так много или почти не было, на уровне цехов эта проблема практически не стояла. Историкам хорошо известен случай создания общего цеха православных и католиков: в 1641 г. во Львове сапожники, принадлежавшие к обеим конфессиям, подписали соглашение о создании единого цеха. М. Капраль, исследовавший межэтнические отношения во Львове, отмечал: «Уникальной правовой особенностью объединенного цеха стало фактическое равноправие представителей двух религиозно-национальных сообществ, украинцев и поляков, которые получили равный доступ к руководящим должностям в цехе, а толерантные основы равноправия распространялись и на область религии»⁴¹.

Хотя этот случай был уникальным, но объединенные цеха в Украине того времени – не такая уж редкость. Чаще всего объединение ремесленников разных цехов в один было необходимо для выживания. В львовском случае это было связано

с экономическим спадом, но причиной для такого или подобного объединения могла быть недоразвитость городов и, соответственно, ремесленного производства в них. Подобные случаи приводит в своем исследовании С. Щербина: в Чернигове во второй половине XVII в. существовал объединенный цех кузнецов, слесарей, мечников, колесников, золотников, конвисаров⁴², скорняков, токарей, стекольщиков и других, «молотом работающих». С развитием ремесла и углублением специализаций цеха разделялись, но в отдельных случаях, особенно в небольших местечках, такие объединенные цеха существовали долгое время, иногда до XIX в., более того, иногда в местечках был лишь один цех, объединяющий представителей всех существующих там профессий, как, например, в Литках на Черниговщине⁴³.

Вообще, углубляясь в цеховую проблематику, мы можем сломать отдельные стереотипы, например, о статусе женщин в средневековой и раннеמודерной Украине. Об этом писал М. Капраль, упоминала С. Щербина, указывая на то, что существовали даже отдельные женские цеха, к примеру, цех бубличников в городе Борзне⁴⁴. Определенную экономическую самостоятельность горожанок могут засвидетельствовать и их завещания, о чем писала польская исследовательница Б. Попёлек⁴⁵.

Спектр городских профессий изучал О. Заяц. Его работа имеет более локальный, но вместе с тем конкретный характер⁴⁶ (молодой историк специализируется на изучении процедуры получения городского гражданства, посвятил этому диссертацию⁴⁷, на основе которой совсем недавно вышла его монография⁴⁸). О. Заяц на основании реестров новых горожан Львова выделил основные ремесленнические профессии, существовавшие в городе: это 120 видов ремесел, из которых 82 принадлежали к производственной сфере⁴⁹. Свою классификацию О. Заяц основывал на тех принципах, которые были предложены не только украинскими (Я. Кись, М. Капраль), но и польскими исследователями (Л. Харевичова, А. Гилевич). В итоге О. Заяц приходит к выводу, что во Львове в XV–XVIII вв. преобладали ремесла, связанные с обработкой кожи и с производством одежды, менее популярными были металлообрабатывающие и пищевые ремесла, еще меньше привлекали львовян деревообработка и строительство, а последними в этом ряду были ремесла бытовые⁵⁰. В целом предложенная О. Зайцем схема позволяет не только проанализировать количественные и качественные показатели ремесленного производства в городах, но и проследить этнические и географические факторы его развития, динамику и направление миграций, связанных с городами, стадии развития городской экономики. Эти же выводы историк частично повторил в своей монографии. Не все в ней бесспорно, например, непонятно, почему О. Заяц переплетчиков (интродигаторов) относит к людям бытовых ремесел⁵¹. Но

то, что автор детально описал профессиональный состав львовских граждан по отдельным периодам развития города⁵², проследил семейственность в овладении ремеслами⁵³, иерархичность различных ремесленнических профессий по разным показателям⁵⁴, оформил свои наблюдения в таблицах и графиках, свидетельствует об основательном подходе и о важности его работы для исследования экономических и социальных аспектов истории конкретного города – Львова.

Социальную и профессиональную структуру киевских горожан исследовала Н. Билоус, но в качестве источников она выбрала фискальные материалы – люстрации Киевского замка 1552 г. и налоговый реестр 1571 г.⁵⁵ В результате были выделены отдельные профессиональные группы в Киеве XVI в.: 1) правящая элита (члены городского совета, войт, лавники⁵⁶, писари); 2) купцы и торговцы (владельцы комяг⁵⁷ и больших лодок, скупщики и торговцы); 3) ремесленники, квалифицированные работники (квалифицированные ремесленники разных профессий, бедные ремесленники, рыбаки, огородники); 4) неквалифицированные работники (коморники⁵⁸, бедные скупщики, мелкие торговцы)⁵⁹. Вместе с тем, Н. Билоус отмечает фрагментарность киевских источников и соответственно относительность своих выводов.

Важным элементом исследования экономической истории городов является изучение таможенной системы, сети торгов и ярмарок в государстве, которые были связаны именно с городами⁶⁰. В локационных привилегиях отдельным городам четко определялось право на ярмарки и торги, а отдельные исследователи даже считают, что именно право на ярмарки указывает на городской статус поселения, что является спорным⁶¹. Но это отдельное огромное исследовательское направление, которое пока относительно слабо освоено украинскими и польскими историками.

Таким образом, при том антропологическом повороте, который наблюдается в современной историографии на разных уровнях, можно говорить об определенном падении интереса к социальной и экономической истории городов, а это, в свою очередь, негативно отражается на изучении их исторического развития. Но внимание к экономическим аспектам никак не противоречит антропологическому подходу. Только комплексный взгляд на историю города, включающий и экономические и антропологические, и социальные, и правовые аспекты, даст нам возможность лучше понять городское сообщество на разных этапах его развития.

Соответственно «новая историографическая парадигма подрывает традиционное различие между тем, что представлялось “главным” в исторических исследованиях, и тем, что считалось “периферийным”... Парадигмальный разворот в сторону горизонтальных глокальных иерархий наша культура уже завершает, а тем самым пре-

одолевается пространство между “историей” и “не-историей”; теперь Историей становится всё⁶². Изучение экономического развития городов усложняется новыми вопросами и задачами, а это делает его более глубоким и интересным, а вместе с тем совершенно необходимым для создания полноценной картины жизни средневекового и раннемоде́рного города Центрально-Восточной Европы и Украины в частности.

Примечания

- 1 О влиянии процесса глобализации на развитие науки см.: *Додонова В.* Наука і глобалізація // Ноосфера і цивілізація. Збірник філософських праць. Вип. 4. Донецьк, 2004. URL : http://www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/Niz/2004_4/dodonova.htm. (дата обращения: 13.12.2012).
- 2 *Репина Л.* «Вызов и ответ»: перспективы исторической науки в начале нового тысячелетия // Ейдос : Альманах теорії та історії історичної науки. Вип. 3, ч. 1. Київ, 2008. С. 13.
- 3 *Підгаєцький В.* Основи теорії та методології джерелознавства з історії України ХХ століття. Дніпропетровськ, 2001. С. 55–56.
- 4 *Маловичко С.* Глокальная перспектива новой локальной истории. URL : <http://www.newlocalhistory.com/node/72>. (дата обращения: 13.12.2012).
- 5 Детально см.: *Manikowska H.* Miasta i mieszczaństwo w ziemiach Polski w średniowieczu – postulaty i perspektywy badawcze // Pytania o średniowiecze. Potrzeby i perspektywy badawcze / red. W. Falkowski. Warszawa, 2001. S. 118–122.
- 6 *Репина Л.* Указ. соч. С. 19.
- 7 *Хвостова К. В.* Постмодернизм, синергетика и современная историческая наука // Новая и новейшая история. 2006. № 2. С. 27.
- 8 Показательными в этом отношении являются слова М. Капраля: «Особую популярность среди историков приобрела концепция К. Маркса о роли труда в жизни общества. Немецкий мыслитель определил труд как способность или качество, которое делает нас настоящими людьми, и предположил, что экономическая рациональность является определяющей для процессов труда. С этой точки зрения большинство историков ремесла вслед за Марксом “эссенциализировали” труд, предполагая, что только эта деятельность определяет идентичность ремесленников. Поэтому социальная жизнь в цехе рассматривалась с точки зрения парадигмы классовой борьбы и возникновения рабочего класса. Наёмные рабочие и обедневшие подмастерья, которые могли свободно переходить от одного мастера к другому, выступали предвестниками рабочего класса, пролетариата, который в будущем должен был “разрушить капиталистический строй”. В таком контексте ремесленники воспринимались исключительно как работники, создатели материальных благ. Однако исследования историков ремесла за последние десятилетия выявляют и другие составляющие идентичности ремесленников. Часто семейные, соседские отношения, отношение к церкви, статус ремесленника

- в обществе имели для его идентичности большее значение, нежели его профессиональная деятельность...» (*Капраль М.* Економічні мотиви чи соціальна доцільність? Ремісничі цехи Львова XV–XVIII століть у світлі статутів // Львів : місто – суспільство – культура. Т. 8, ч. 1 : Влада і суспільство / за ред. О. Аркуші, М. Мудрого // Вісн. Львів. ун-ту. Сер. історична. Спец. вип. Львів, 2012. С. 173–174.
- ⁹ См.: *Czaja R., Kizik E.* Wstęp // *Roczniki Dziejów Społecznych i Gospodarczych*. Т. LXX. Poznań ; Warszawa, 2010. S. 13–14.
- ¹⁰ См.: Економічні привілеї міста Львова XV–XVIII ст. : привілеї та статuti ремісничих цехів і купецьких корпорацій / упор. М. Капраль. Львів, 2007. 816 с. (рецензії : *Білоус Н.* Економічні привілеї міста Львова XV–XVIII ст. : привілеї та статuti ремісничих цехів і купецьких корпорацій / упор. М. Капраль. Львів : МГКО «Документальна скарбниця Львова», 2007 // Український гуманітарний огляд. Вип. 13. Київ, 2008. С. 185–190; *Wünsch Thomas* [Rec:] Економічні привілеї міста Львова XV–XVIII ст. : привілеї та статuti ремісничих цехів і купецьких корпорацій / упор. М. Капраль. Львів, 2007. 816 с. // *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*. Marburg, 2007. Jg. 56. Heft 3. S. 474; *Фелонюк А.* [Rec:] Економічні привілеї міста Львова XV–XVIII ст. : привілеї та статuti ремісничих цехів і купецьких корпорацій / упор. М. Капраль. Львів, 2007. 816 с. // Вісн. Наук. тов. ім. Т. Шевченка. Львів, 2008. Ч. 39. С. 56–58; *Його же* [Rec:] Економічні привілеї міста Львова XV–XVIII ст. : привілеї та статuti ремісничих цехів і купецьких корпорацій / упор. М. Капраль. Львів, 2007. 816 с. // *Записки Наук. тов. ім. Т. Шевченка*. Львів, 2008. Т. 256 : Праці Історично-філософської секції. С. 710–720).
- ¹¹ *Капраль М.* Економічні мотиви чи соціальна доцільність? С. 174.
- ¹² Детально см.: *Hohenberg P., Lees L. H.* The Making of Urban Europe, 1000–1950. Cambridge (Mass.) ; L., 1985. С. 8.
- ¹³ См.: *Капраль М.* Привілеї та статuti ремісничих цехів і купецьких корпорацій Львова XV–XVIII ст. (історико-правовий нарис) // Економічні привілеї міста Львова : привілеї та статuti ремісничих цехів та купецьких корпорацій / упор. М. Капраль. Львів, 2007. С. V.
- ¹⁴ Там же. С. XII. По подсчетам Я. Кися, в 1462–1482 гг. во Львове ремесленники 50 профессий были объединены в 14 цехов (*Кись Я.* Промисловість Львова у період феодалізму (XIII–XIX ст.). Львів, 1968. С. 52). Но большинство из них своих статyтов не имели и правовой отсчет вели от привилегий Казимира IV, регулировавших хозяйственную деятельность. В частности, львовские сапожники учредительным документом своего цеха считали королевский декрет 1456 г., которым количество сапожников на Подзамче (предместье Львова) ограничивалось двумя ремесленниками (Центральный державний архів України у Львові. Ф. 52. Оп. 2. Спр. 1039. Арк. 7–8).
- ¹⁵ См.: *Капраль М.* Статuti ремісничих цехів та купецьких корпорацій Львова XV–XVIII ст. : організаційно-правові питання // Україна : культура спадщина, національна свідомість, державність. Вип. 15. Львів, 2006–2007. С. 173–185.
- ¹⁶ Там же. С. 183–185.
- ¹⁷ Там же. С. 174.
- ¹⁸ *Akta Grodzkie i Ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z archiwum tak zwanego Bernardyńskiego we Lwowie*. Lwów, 1896. Т. VI. S. 1–2.
- ¹⁹ *Капраль М.* Шевський цех у Львові в XIV–XVII століттях : особливості правового статусу // Вісн. Львів. ун-ту. Сер. історична. Вип. 44. Львів, 2009. С. 39. «Сапожник» по-українськи – «швець». О том, насколько распространенной была эта профессия, свидетельствует популярность в Украине фамилий Шевченко, Шевцов, Шевчук, Швець и др.
- ²⁰ *Капраль М.* Цехові книги шевського цеху як джерело до історичної демографії Львова XVII–XVIII ст. // Львівська національна наукова бібліотека імені В. Стефаника : історія і сучасність : доповіді і повідомлення Міжнар. наук. конф., Львів, 28–30 жовтня 2010 р. Львів, 2010. С. 346–351. Краткий источниковедческий анализ цеховых книг из собрания Черниговского исторического музея дает С. Щербина, при этом отмечая богатство содержания подобных источников и их значение для исследования разных сторон жизни и деятельности горожан, занимающихся ремеслом и объединенных в цеха. См.: *Щербина С.* Цехові книги із зібрання Чернігівського історичного музею ім. В. В. Тарновського // Сіверянський архів. Наук. щорічник. Вип. 2. Чернігів, 2008. С. 28–33.
- ²¹ См.: *Капраль М.* Шевський цех у Львові в XIV–XVII століттях : особливості правового статусу. С. 39–58.
- ²² См.: *Балушок В.* Світ середньовіччя в обрядовості українських цехових ремісників. Київ, 1993. 120 с. Это исследование свидетельствует не столько о новаторской проблематике, сколько об инертности историографии.
- ²³ Там же. С. 13.
- ²⁴ Юридика – земельная собственность шляхтича или церкви в пределах города, исключенная из городской юрисдикции.
- ²⁵ См.: *Капраль М.* Соціальний статус та ієрархічність у ремісничому середовищі в ранньомодерному місті (на прикладі шевського цеху Львова XVII–XVIII ст.) // Ювілейний збірник на пошану Степана Геля / відп. ред. І. Копич (Вісн. Львів. комерц. академії. Сер. : Гуманітарні науки. Вип. 10). Львів, 2011. С. 119–126.
- ²⁶ См.: *Капраль М.* Люди корпорації : Львівський шевський цех у XVII–XVIII ст. Львів, 2012 (Львівські історичні праці. Дослідження. Вип. 5). 552 с.
- ²⁷ *Кись Ярослав Павлович* (1918–1986) – известный украинский историк, исследователь социально-экономической истории Украины XIII–XIX вв., специалист по специальным историческим дисциплинам, доктор исторических наук (1969 г.), профессор (1970 г.). См.: *Кись Ярослав Павлович* // *Ист. фак.* Львів. нац. ун-ту ім. Івана Франка (1940–2000). Львів, 2000. С. 111–112; *Муравський О.* Кись Ярослав Павлович // Українські історики Біобібліографічний довідник. Вип. 3. Київ, 2010. С. 126–127.

- ²⁸ Капраль М. Стан та перспективи дослідження історії міст України: приклад пізньосередньовічного та ранньомодерного Львова // *Actes testantibus* : Ювіл. зб. на пошану Леонтія Войтовича / відп. ред. М. Литвин (Україна : культурна спадщина, національна свідомість, державність. Вип. 20. Львів, 2011. С. 320).
- ²⁹ См.: Білоус Н. Тестаменти киян середини XVI – першої половини XVII століття. Київ, 2011. 200 с. ; *Bilous N. Testamenty mieszczaków Kijowa z XVI – pierwszej połowy XVII wieku* // *Kwartalnik Historii Kultury Materialnej*. Warszawa, 2010. Nr 2. S. 245–258 ; *Кочеркевич Я.* Заповіти львівських міщан XVII ст. // *Архіви України*. Вип. 5 (265). Київ, 2009. С. 135–158 ; *Bartoszewicz A.* Testament jako źródło do badań nad piśmiennością mieszczańską w różnym średniowieczu // *Kwartalnik Historii Kultury Materialnej*. Warszawa, 2011. R. LIX. Nr 3–4. S. 293–303 ; *Иъсмлек J.* Krakowska Liber Testamentorum jako źródło do badań społeczeństwa miasta późnośredniowiecznego (zarys problematyki) // *Kwartalnik Historii Kultury Materialnej*. Warszawa, 2011. R. LIX N 3–4. S. 305–312 ; *Popiolek B.* Testamenty mieszczan lwowskich i krakowskich XVII–XVIII wieku // *Львів : місто – суспільство – культура*. Т. 8, ч. 1. Львів, 2012. С. 227–233 и др.
- ³⁰ См.: Щербина С. Побут та звичаї цехових ремісників Північного Лівобережжя у другій половині XVII–XVIII ст. // *Наук. часопис Нац. пед. ун-ту ім. М. П. Драгоманова*. Сер. 6 : Історичні науки. Вип. 6. Київ, 2008. С. 241–243.
- ³¹ Там же. С. 244–245.
- ³² Там же. С. 245.
- ³³ Булыгина Т. А. История повседневности и «новая локальная история»: исследовательское поле и исследовательский инструмент. URL : <http://www.newlocalhistory.com/content/bulygina-ta-stavropol-istoriya-povsednevnosti-i-novaya-lokalnaya-istoriya-issledovatel'skoe> (дата обращения: 13.12.2012).
- ³⁴ Колесник І. «Повернення до речей» як перспектива історичних досліджень // *Український історичний журнал*. Київ, 2012. Вип. 3. С. 184. Автор справедливо заметила, что в украинской историографии очень неоднозначное отношение к этому новому направлению историописания. (Там же. С. 185 и др.)
- ³⁵ Там же. С. 184.
- ³⁶ Булыгина Т. А. Указ. соч.
- ³⁷ Кобилецький М. Організація та правові засади діяльності цехів у містах України за магдебурзьким правом // *Вісн. Львів. ун-ту. Сер. юридична*. Вип. 52. Львів, 2011. С. 71–76.
- ³⁸ Там же. С. 71.
- ³⁹ Там же. С. 72. Вместо ссылки на источник автор дает ссылку на работу польского историка права С. Кутшебы (*Kutrzeba S.* *Historia zrodel dawnego prawa polskiego*. Kraków, 1926. Т. 2. S. 236).
- ⁴⁰ Кобилецький М. Указ. соч. С. 73.
- ⁴¹ Капраль М. Шевський цех у Львові в XIV–XVII століттях. С. 39.
- ⁴² Конвисары – специалисты по изготовлению вещей из олова.
- ⁴³ См.: Щербина С. Указ. соч. С. 241.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ *Popiolek B.* *Testamenty mieszczan lwowskich i krakowskich XVII–XVIII*. С. 232–233.
- ⁴⁶ См.: Зяць О. Професії виробничої сфери львівського міщанства (за реєстрами новоприйнятих громадян XV–XVIII століть) // *Записки Наук. тов. ім. Т. Шевченка*. Т. ССЛІІ : Праці Комісії спеціальних (допоміжних) історичних дисциплін. Львів, 2006. С. 320–370.
- ⁴⁷ См.: Зяць О. Міське громадянство Львова XV–XVIII ст. (за реєстрами прийняття до міського права) : автореф. дис. ... канд. іст. наук. Львів, 2005. 20 с. URL : <http://www.nbuv.gov.ua/ard/2005/05zoarmp.zip> (дата обращения: 13.12.2012).
- ⁴⁸ См.: Зяць О. Громадяни Львова XIV–XVIII ст. : правовий статус, склад, походження. Київ ; Львів, 2012. 558 с.
- ⁴⁹ См.: Зяць О. Професії виробничої сфери львівського міщанства. С. 321.
- ⁵⁰ Там же. С. 364.
- ⁵¹ См.: Зяць О. Громадяни Львова XIV–XVIII ст. : правовий статус, склад, походження. С. 291–292.
- ⁵² Там же. С. 232–308, 434–460.
- ⁵³ Там же. С. 308–329.
- ⁵⁴ Там же. С. 461–465.
- ⁵⁵ См.: Білоус Н. Соціальна та професійна структура населення Києва у світлі фіскальних джерел другої половини XVI ст. // *СОЦІУМ*. Альманах соціальної історії. Вип. 8. Київ, 2008. С. 107–118.
- ⁵⁶ Лавники – члени городского суда.
- ⁵⁷ Комяга – самый распространенный тип сплавного судна без мачт, прямоугольной формы, неглубокой посадки, длиной от 17 до 24 м, шириной до 10 м, на 7–12 гребцов, грузоподъемностью от 30 до 70 т. (см.: *Торгівля на Україні XIV – середина XVII ст.* Волинь і Наддніпрянина / упор. В. Кравченко, Н. Яковенко. Київ, 1990. С. 343).
- ⁵⁸ Коморники – не имеющие собственности бедные горожане.
- ⁵⁹ См.: Білоус Н. Соціальна та професійна структура населення Києва у світлі фіскальних джерел другої половини XVI ст... С. 117.
- ⁶⁰ См.: Кулаковський П. Формування мережі ярмарків на Лівобережній Україні в другій половині XVI – першій половині XVII ст. // *Історія торгівлі, податків та мита*. Дніпропетровськ, 2011. – № 1 (3). URL : http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/itpm/2011_1/Kul_kyi.htm (дата обращения: 13.12.2012). Автор, кроме прочего, приводит интересный факт из жизни еврейской общины Переяслава: «Евреи Переяслава не желали оставаться в стороне от преимуществ магдебургского права, тем более, что сами горожане во главе с войтом ещё в январе 1621 г. декларировали желание привлечь евреев к выполнению повинностей и платежам податей, надлежащих городу. Поэтому в 1623 г. представители еврейской общины обратились к городским властям с просьбой принять общину под свою юрисдикцию, на что городские власти согласились, обязав местных евреев выполнять повинности и платить подати такие же, как и горожане-христиане» (Там же). Это подтверждает тезис, что изучение хозяйственной жизни

средневековых и раннемоде­р­ных городов позволяет исследовать и другие стороны городской жизни, в частности, межнациональные и правовые аспекты.

⁶¹ См.: *Kiryk F. Z. badań nad urbanizacją Lubelszczyzny w dobie Jagiellońskiej // Rocznik Naukowo-Dydaktyczny.*

Prace Historyczne. Z. 43. Kraków, 1972. S. 118–119. См. также: *Гошко Т. Д. Правовая локация городов Украины XIV–XVI веков : локационные привилегии // История и историческая память. Вып. 4. Саратов, 2011. С. 13.*

⁶² *Маловичко С. Указ. соч.*

УДК: 94(420)»1702/1744»+930

ЭДВАРД ХАЙД, ГРАФ КЛА­РЕН­ДОН, И ЕГО «ИСТОРИЯ МЯТЕЖА» В ВОСПРИЯТИИ АНГЛИЙСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

С. М. Морозов

Саратовский государственный университет
E-mail: tenros@nextmail.ru

В статье репрезентируются основные модели восприятия английскими интел­лектуалами первой половины XVIII века выпущенной в 1702–1704 гг. книги графа Кларендона «История мятежа и гражданских войн в Англии», а также восстанавливаются эстетический и политический контексты, обуславливающие такое восприятие. Особое внимание уделяется ревизионистской концепции Джона Олдмиксона и её критике со стороны его оппонентов.

Ключевые слова: XVIII век, Англия, Джон Олдмиксон, «История мятежа и гражданских войн в Англии», спор о древних и новых, фальсификация истории, Эдвард Хайд, граф Кларендон

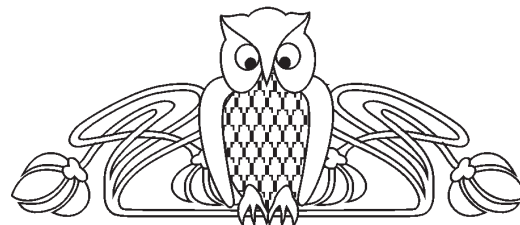
Edward Hyde, Earl of Clarendon, and his «History of the Rebellion» in the Opinion of English Intellectuals of the First Half of 18th Century

S. M. Morozov

The paper represents principal points of view on Edward Hyde, Earl of Clarendon, and his «History of the rebellion and Civil wars in England» (1702–1704), expressed by English intellectuals of the first half of the 18th century. It also reconstructs aesthetical and political contexts which brought up these notions. Special attention is paid to Mr. Oldmixon's revisionist conception on this «History» and its criticism by his opponents.

Key words: XVIIIth century, England, John Oldmixon, «History of the rebellion and Civil wars in England», quarrel of the ancients and the moderns, historical revisionism, Edward Hyde, Earl of Clarendon.

В год 1702 в университете Оксфорда были опубликованы первые тома классического произведения английской историографии «История мятежа и гражданских войн в Англии». Её автор, Эдвард Хайд, получивший в 1661 г. титул графа Кларендона, как он сам представлял себя на первых страницах своего сочинения, был не самым «некомпетентным человеком» в отношении той темы, которую он взял на себя смелость описать: он «присутствовал в качестве члена парламента на собраниях, предшествовавших мятежническому расколу, а после этого имел честь быть подле двух великих королей и даже заручиться

некоторым доверием с их стороны»¹. В 1646 г., находясь на о. Джерси, куда он прибыл вместе с принцем Уэльским, Хайд начал писать свой монументальный труд, но в 1648 г. оставил это занятие и отправился во Францию ко двору давно покинувшего Джерси принца Уэльского². В 1658 г. он был назначен лорд-канцлером. После восстановления в Англии династии Стюартов в 1660 г. он возглавил правительство и стал одной из наиболее влиятельных фигур первых семи лет правления Карла II. Многим он казался всемогущим³. ореол власти, образовавшийся вокруг Хайда, был настолько мощным, что в итоге погубил своего обладателя: в бедах, настигших Англию в середине 60-х, обвиняли его. Объявленный в парламенте государственным изменником, он, спасаясь ареста, бежал во Францию, где в практически полной изоляции от друзей и родственников провёл последние годы своей жизни.

В 1671 г. он получил от навесившего его сына, Л. Хайда, неоконченную рукопись своего исторического сочинения, которое теперь намеривался завершить. Он объединил текст рукописи с только что написанной им автобиографией и дописал некоторые эпизоды, закончив работу к июню 1762 г.⁴ Через два с половиной года Кларендон скончался. По завещанию все его рукописи перешли в полное распоряжение двух старших сыновей, Генри и Лоуренса Хайдов⁵. Прошло ещё 27 лет, прежде чем Л. Хайд, граф Рочестер, решил опубликовать сочинение своего отца. За эти годы кардинально изменился статус Кларендона. Из лорд-канцлера, обвинённого в государственной измене и бежавшего от правосудия, он превратился в дедушку двух английских королей, Марии II (1689–1694 гг.) и Анны (1702–1714 гг.), рождённых от брака его дочери Анны с герцогом Йоркским, будущим Яковом II.

По замыслу Рочестера, сочинение Кларендона должно было стать инструментом торийской пропаганды и представлять торийскую версию истории XVII века⁶. Нужный ракурс восприятия «Истории мятежа» призваны были задать обширное предуведомление к первому тому и посвящения королеве, открывающие второй и третий том. Во введении к первому тому Рочестер прежде